

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Там романтики нету –
Есть работа и кровь.
Кто-то верил в победу,
Кто-то верил в любовь.

Кто-то знал, что вернется,
Да упал под огнем,
И струной отзовется
Наша память о нем.

*Игорь Морозов.
Из "афганской" песни*

Внимательно рассматриваю каждую Володину фотографию. Вот он в детском саду – трехлетка, вот в пионерском лагере лет двенадцати, в военной полевой форме, на обычном гражданском портрете... И везде – до боли знакомый, с открытым, добрым, приветливым лицом. Навсегда оставшийся молодым и красивым...

Володя Смирнов погиб 28 октября 1983 года. В тот день он сопровождал колонну автомашин по маршруту Джелабад – Мехтерлам. Колонну ждала засада. Мятажники ударили из гранатометов. Владимир, мгновенно оценив обстановку, занял огневую позицию и открыл ответный огонь. В течение двадцати минут Володя прикрывал продолжавшую движение колонну, проявив при этом личное мужество и отвагу. Но вражеская пуля нашла его, смертельно ранила.

Дальше – как обычно: цинковый гроб, печальный ритуал – боевые товарищи в почетном карауле, последние слова прощания, могильный холмик, гранитная плита.

И письмо командира войсковой части подполковника Томашова, начальника политотдела подполковника Силина Володиной маме – Эрне Ивановне. В нем есть строки совсем не трафаретные. "Поверьте, – сообщают с болью два офицера, – нам очень трудно писать слово "был", но Владимир действительно был мужественным и исполнительным воином, до конца исполнившим свой долг перед Родиной... Сослуживцы всегда видели в нем надежного друга и верного товарища, готового в любой обстановке прийти на помощь".

Отвага и личное мужество рядового Владимира Борисовича Смирнова было отмечено орденом Красной Звезды (посмертно).

Володя Смирнов родился 5 июля 1962 года в поселке лесозаготовителей Каменка Грязовецкого района. В семье было четверо детей. Кроме Володи, старшего, – Ирина, погодок; Сергей – моложе на пять лет и самый маленький – Алеша, общий любимец семьи. Бабушка и мать всю свою трудовую жизнь проработали в лесной промышленности, в объединении “Монзалес”. Что такое тяжелый женский труд, Владимир знал не понаслышке. Знал также и что такое семейные проблемы. Совместная жизнь родителей не сложилась: отец пил запоем, Эрна Ивановна вынуждена была выгнать непутевого мужа. Понимая, как трудно маме успевать везде – и дома, и на работе, – сыновья и дочка помогали ей во всем. Мужчины заготавливали дрова, пиломатериалы, соорудили летнюю кухню, таскали воду, косили траву, сушили и стоговали пахучее сено. Это стремление постоянно что-то делать, чем-то помогать столь укоренилось во Владимире, что после окончания профтехучилища он даже не взял отпуск – пошел на эстакаду катать бревна, заработал и отдал Эрне Ивановне свои первые 200 рублей.

Учился он средне, отличными оценками не блистал, но был спокойным, уравновешенным парнем – из тех ребят, к которым тянутся и чьей дружбой дорожат. Друзья его – Саша Зимин, Юра Попов, Саша Кулаков – не забывали Володю и в дни афганских событий писали ему, поддерживали морально.

И в школе, и в пионерском лагере Владимир с удовольствием занимался спортом, кое в чем добился успехов, особенно в метании гранаты, не раз награждался грамотами, памятными подарками.

Володя на себе испытал, что значит в Афгане физическая закалка. Но и тогда, в письмах к брату, не мог он рассказать о том, что тяжелейшие “боевые будни” бывали не под силу даже тренированному телу. Не расскажет и теперь. Но об этом пишут те, кому удалось уцелеть. Приведу отрывок из воспоминаний майора Игоря Юрьевича Блиджана, заместителя командира десантно-штурмовой роты в Кандагаре.

Оранжевая пустыня Регистана. Мы шли тогда всю ночь, стремясь, как говорится, по холодку (правда, холодок – градусов тридцать пять) выйти утром к кишлаку. Там был колодец, была вода. Мы шли уже двое суток...

Мы торопились. Вдруг впереди почему-то стали. Я обошел тяжело дышавших, потных, смертельно уставших

солдат и пошел в голову колонны. Все отдыхали стоя, никто не ложился – берегли силы. Тяжело перевалив через гребень бархана, я увидел доктора и еще несколько человек. Они стояли над солдатом с белым лицом и пустыми глазами.

– Что с ним?

– Остановка сердца.

– Ничем нельзя было помочь?

– Ничем...*

Войне еще не видно было конца, и Володя, озабоченный судьбой подрастающего брата – вдруг и ему придется служить в Афганистане, – давал ему настойчивые наказы заниматься спортом, закалывать себя. Сам Володя не курил, не выпивал, к тому же звал и брата:

“А ты, Серега, тренируй себя, ради бога, физически. Утром минут 30 зарядка, а днем или вечером... на турнике, зимой – на коньки и лыжи. Если есть в школе какая секция, обязательно запишись. Понимаешь, у тебя сейчас такой период: как ты закалишь себя, так и будет на всю жизнь. А то ли дело, если ты здоровый парень...”

Чуть дальше Володя развивает эту тему: “Подумай серьезно сам... это неплохой совет. Если не куришь, – не надо, не кури, еще рановато здоровье губить. Запомни раз и навсегда: курить, пить, если у тебя есть к этому тяга, воздержись. Человек физически может себя закалить до армии в твои годы”.

Забегая вперед, скажу, что Сергей прислушался к советам старшего брата и честно, добросовестно выполнил свой воинский долг перед Родиной, был тренированным, закаленным солдатом.

В 1977 году Владимир поступил учиться в СПТУ N 28 г. Вологды, чтобы овладеть отличной рабочей специальностью наладчика шлифовальных станков. Учиться нравилось, занимался хорошо – у мастеров претензий не было. Сегодня его имя выбито на мемориальной доске, что установлена на здании училища.

Закончив училище в 1981 году, Володя до апреля 1982 года работал на 23-м Государственном подшипниковом заводе. Был хорошим наладчиком. Помнят его на предприятии и сейчас. Молодые заводчане побывали у его матери в поселке Вохтога. Не только душевно поговорили, но и сделали все возможное, чтобы полуразрушенная гранитная

---

* Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. М.: Молодая гвардия. 1990. С. 130.

плита на Володиной могиле была заменена на новую. Еще в 1986 году Владимира Смирнова включили в состав бригады, в которой он работал до призыва в армию, и до конца 1989 года зарплату его отправляли в Фонд мира. Гуманное, правильное дело, но сегодня уже забытое. А жаль...

Была в короткой жизни Володи и любовь. Была симпатичная девушка Аня, обещавшая ждать его возвращения со службы. С ней он связывал свое будущее, свои надежды на счастье. Может, и ждала она Володю, даже к родным его в Каменку не раз приезжала, но не дождалась, вышла 23 сентября замуж за другого. Через месяц, очень горький для него месяц, Владимир погиб.

Куда больше ему повезло на мужскую дружбу и верность. На заводе дружил с Юрой Двойнишниковым, на войне – с Игорем Рожковым, который стал для него настоящим братом. И первое письмо из госпиталя после серьезного ранения Игорь адресует Володе. “Здорово, братан! – пишет он. – Вот собрался написать тебе письмо. За почерк извини. Сам понимаешь, какая писанина одним глазом, да второй к тому же болит, спасу нет. Сделали одну операцию, но будут делать и другую, т. к. внутри глаза плавает еще один осколок...”

Не очень подробно описывает Игорь госпитальные будни, понимая, что Володе все это и самому хорошо знакомо – ведь в июне – августе 1983 года Володя тоже был в госпитале на излечении. В то время мама долго не получала от него писем, хотя, в общем-то, Владимир писал часто: 46 весточек пришло от него из Афгана. Последнюю получили 30 октября, через день после гибели Володи.

Вспоминая о Владимире Смирнове, молодом русском солдате, читая письма его, что частично хранятся в Музее истории молодежного движения в Вологде, мы будем каждый раз удивляться. Ведь мог же человек, постоянно рискувавший своей жизнью, писать столь просто и буднично: “Привет из Афганистана! Здравствуйте, дорогие родные: мама, бабушка, Сережа и Алешенька!.. Немного о себе: служба у меня идет нормально, все как-то без изменений, даже описывать нечего”.

Но ведь на таких и держимся, такие всегда заслонят, оборонят Отечество.

В. Гостинцев